

Содержание

I

1. *Пламенеющее в последних лучах
заходящего солнца озеро...*
13
2. *На борту пиратского корабля под началом
шотландского милорда...*
22
3. *На заре дворцы из красноватого песчаника...*
37
4. *И вот снова перед ним его Сикри,
кольшущийся в знойном воздухе...*
53
5. *Его сыновья, летающие как ветер на своих конях...*
66
6. *Острый язык способен ранить куда серьезнее...*
90
7. *В крошечном мраке каземата его цепи...*
102
8. *Когда Великим Моголам жизнь преподносила
неприятные сюрпризы...*
115
9. *В Андижане фазаны выросли такими упитанными...*
128

II

10. *Где семья повешенного упадет на землю...*
145
11. *Все, что любил Аго, находилось тут же, совсем рядом с ним...*
158
12. *Опустевшая гостиница при дороге, ведущей в Геную...*
182
13. *В Ушкюбе, где располагался лагерь для захваченных в плен детей...*
194
14. *После того как Тансен пропел песнь огня*
209
15. *У берегов Каспийского моря старухи – картофельные ворожеи...*
225

III

16. *Можно было подумать, что все бедняки города возомнили себя кардиналами...*
253
17. *Герцог заперся в своем дворце...*
281
18. *Инцидент со львами и медведем имел место...*
303
19. *Он потомок Адама, а не Мухаммада...*
325
- Библиография*
375
- Благодарности*
381

Посвящается Биллу Баффорду



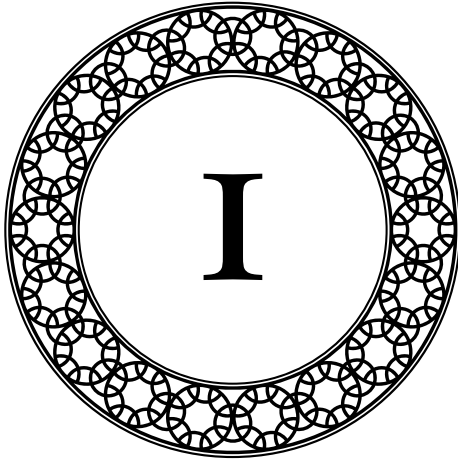
*Легко, как двигалась она, не ходит
Никто из смертных; музыкой чудесной
Звучали в ангельских устах слова.
Живое солнце, светлый дух небесный
Я мицезрел...*

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА



*Найдите толмача и приведите его ко мне,
Ибо есть странник в городе,
Истории его хотел бы я услышать.*

МИРЗА ТАЛИБ



1



Пламенеющее в последних лучах заходящего солнца озеро...

Пламенеющее в последних лучах заходящего солнца озеро под городом дворцов переливалось, словно расплавленное золото. Страннику, приближавшемуся к нему по идущей вдоль берега дороге, не потребовалось больших усилий, чтобы вообразить, будто вскоре ему предстоит встреча с государем, богатства которого несметны и который специально велел заполнить огромную впадину жидким золотом, дабы изумлять и приводить в священный трепет каждого, кто вступает в его владения. Озеро огромно, и если предположить, что оно всего лишь малая толика царских сокровищ, то каковы же тогда размеры этого океана?! По всей видимости, жидкое золото никем не охранялось. Возможно, это добрый знак. Быть может, здешний правитель настолько щедр, что любому, вступающему в его владения — будь он даже из чужих земель, — дозволено без помех черпать горстями драгоценную жидкость. Если так, то он, должно быть, и вправду человек необычайный, вроде короля Пристера Джона¹, полу-

¹ *Пристер Джон* — согласно легендам, христианский правитель всей Азии в XII в. Упоминается в записках Марко Поло как царь татар. С XIV в. фигурирует в записках путешественников как царь Эфиопии. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

забытые легенды и баллады о счастливых временах которого полны описаний множества чудес. “Быть может, — мечтательно рассуждал про себя путешественник, — за теми вот городскими стенами бьет источник вечной молодости, а где-то поблизости находится тайная дверь в земной рай...”

Но тут солнце скрылось за горизонтом, и золото исчезло с поверхности озера. Оно легло на дно, где до наступления следующего дня его будут бдительно охранять русалки и водяные змеи. До самого рассвета вода — единственное сокровище, которое сможет предложить озеро истомленному жаждой путнику, и наш странник готов был принять его с великой признательностью.

Чужеземец ехал на простой двухколесной арбе, запряженной парой буйволов. Однако вместо того чтобы сидеть на жестких подушках, он предпочел стоять, небрежно опершись одною рукой на перила решетчатого деревянного ограждения, словно бог на летающей колеснице. Повозка раскачивалась и дергалась в такт буйволиной поступи, да и сама дорога была вся в рытвинах и ухабах. Езда стоя вполне могла привести к падению, а тогда — прощай, жизнь! Но путешественник упрямо продолжал стоять, умудряясь сохранять при этом спокойный, даже горделивый вид. Вознице давно надоело призывать его к осторожности. Поначалу он принял чужеземца за круглого дурака и махнул на него рукой: сломает себе шею — что ж, туда ему и дорога, здесь чужака оплакивать никто не станет. Правда, вскоре презрение уступило место невольному восхищению. Может, странник и впрямь выглядел чудно: лицо слишком смазливое для настоящего мужчины, да и одежда дурацкая — пестрый плащ из разноцветных ромбиков кожи, — но его осанке, его умению сохранять равновесие можно было позавидовать.

Повозку трясло, колеса то проваливались в колдобины, то насакивали на булыжники, а чужеземец как ни в чем не бывало

продолжал стоять и даже ни разу не покачнулся, сохраняя изящество и непринужденность позы. “Хоть и дурак, но до чего же ловок! — подумал возница. — А может, он и не дурак вовсе, может, это человек, с которым стоит считаться? Если уж и есть у чужака явный недостаток, — продолжал рассуждать про себя хозяин повозки, — так это, пожалуй, выпендривание, желание казаться не таким, каков он на самом деле, а таким, каким он хочет, чтобы его видели другие. Правда, в этих краях у всех есть такая склонность, и в этом смысле они немногим от него отличаются, так что не такой уж он и странный на самом-то деле”.

Когда чужеземец заявил, что его мучает жажда, возница — неожиданно для самого себя — спустился к озеру, наполнил водою выдолбленную из высушенной тыквы и отполированную чашу и с таким почтением подал ее незнакомцу, словно перед ним был знатный господин.

— Тоже мне, князь выискался! Стоишь тут, а я бегай для тебя за водой! — проворчал возчик себе под нос. — С чего это я тебе прислуживаю — сам не пойму. Какое такое у тебя право мной командовать? Да кто ты такой на самом-то деле?! Уж не из благородных, это точно, не то с чего бы ты тащился на моей повозке! А еще нос задираешь! Не иначе как прощелыга, бандит какой-нибудь!

Незнакомец жадно пил. Струйки сбегали вниз, к бритому подбородку, образуя подобие водяной бороды. Наконец он передал пустую чашу вознице и со вздохом облегчения смахнул оставшиеся капли.

— Кто я такой? — словно говоря сам с собою, но на местном наречии произнес странник. — Я человек, владеющий страшным секретом, но он предназначен лишь для ушей великого императора!

Возница снова почувствовал себя уверенно: первое впечатление его не обмануло — этот парень и впрямь полный дурак, так что нечего с ним церемониться.

— Можешь оставить свой секрет при себе, — равнодушно отозвался он. — Секреты — они лишь у малых ребятишек да лазутчиков.

Незнакомец слез с повозки возле караван-сарая, откуда начинались и где кончались все дальние дороги. Он был на удивление высокого роста и держал в руках хурджин из ковровой ткани.

— А еще у колдунов, влюбленных и... государей, — бросил на прощанье чужестранец, перед тем как войти в караван-сарай.

Там, как обычно, царили шум и суета. Лошади, верблюды, волы, ослы, козы — всех их требовалось накормить и напоить. Кругом бегала, скакала и летала прочая живность, пронзительно визжали обезьяны, лаяли грозного вида псы; в небо зеленым фейерверком то и дело взлетали крикливые попугаи. Кузнецы ковали, плотники ладили повозки, а в крытых торговых рядах, расположенных по четырем сторонам огромной площади, люди, готовясь в дальний путь, запасались всем необходимым, покупали съестное, свечи, масло, мыло, прочные веревки. Перенося на головах грузы непомерного веса и объема, носились взад-вперед неутомимые кули в красных тюрбанах. Одни собирались в дорогу и нагружали повозки, другие стремились поскорее разгрузиться и отдохнуть. Здесь за ночлег брали дешево. Деревянные лежаки, перетянутые веревками, с набитыми конским волосом колючими матрасами рядами, как в казармах, стояли на плоских крышах одноэтажных строений по всему периметру громадного подворья. Здесь можно было провести ночь и, устремив взгляд в черное небо, воображать, будто ты равен бессмертным богам. Поодаль, к западу от караван-сарая, стояли лагерем императорские полки, вернувшиеся недавно с полей сражений. Оттуда доносился глухой гул. Полкам не разрешалось входить в город дворцов, им было отведено место под холмом. С армией, только что

прибывшей с поля битвы, не занятой своим прямым ратным ремеслом, следовало быть предельно осторожным. Нашему путнику вспомнилась история Древнего Рима. Там император не доверял никому, кроме своих верных преторианцев. Путник знал, что вопрос о доверии к его персоне вскоре станет ключевым. Не сумеешь внушить доверия — потеряешь жизнь.

Совсем близко от караван-сарая высилась украшенная слоновыми бивнями башня, обозначающая место, где находились главные дворцовые ворота. Все слоны считались личной собственностью правителя, и башня с торчащими из нее бивнями призвана была демонстрировать его могущество. “Берегись! — казалось, говорила башня. — Ты ступаешь на землю самого владыки слонов, обладателя такого множества толстокожих гигантов, что он с легкостью позволил себе истребить целые тысячи их лишь ради того, чтобы украсить меня”. В этом зримом символе могущества путник усмотрел проявление такого же вызывающего стремления к превосходству, какое жгло и его душу. Было ли это чистым огнем или печатью Сатаны — как знать? Тот, по велению кого была воздвигнута башня, для подтверждения своего превосходства явно избрал путь устрашения — качество, которое путнику часто казалось признаком малодушия. “Неужели человек может доказать свою исключительность лишь посредством насилия?” — спросил он себя. Спросил — и не нашел ответа, однако ему хотелось надеяться, что превосходство может быть достигнуто и иным путем, а именно — через чувство прекрасного: он знал, что красив; знал и то, что его красота тоже дает ему власть над людьми.

За клыкастой башней находился большущий колодец, от которого по всему склону холма тянулась вверх целая сеть немислимо сложных сооружений для снабжения водой увенчанного множеством куполов дворцового комплекса.

Без воды человек ничто, – подумал странник. – Будь он хоть император, но, оставшись без воды, он обратится в прах, как любой другой. Вода – вот истинная госпожа, и все мы – ее рабы. У себя во Флоренции он однажды встретил человека, который умел заставить воду исчезнуть. Это был фокусник. Он наполнил кувшин водой до самых краев, пошептал над ним какие-то заклинания, потом перевернул кувшин – и вместо жидкости оттуда заструился поток шелковых шарфов. Разумеется, это был ловкий фокус, и уже к концу дня он сумел выпытать у фокусника секрет трюка, присовокупив эту тайну к другим, уже им приобретенным. Он успел накопить множество тайн, но лишь одна из них была достойна того, чтобы ее предложить в дар императору.

Дорога круто пошла вверх, и вскоре перед ним открылась панорама города. Безо всякого сомнения, это был самый большой город из всех, какие ему доводилось видеть: больше, чем Флоренция, больше Венеции, больше Рима. Однажды он побывал в Лондоне, но и тот уступал этому городу по величине. По мере того как сгущались сумерки, город, казалось, рос у него на глазах. Густонаселенные предместья лепились у его стен, с верхушек минаретов неслись крики муэдзинов, в отдалении были видны огни обширных поместий. Словно грозное предупреждение, один за другим загорались то там, то здесь всё новые и новые огни, и словно им в ответ в темной чаше небес одна за другой вспыхивали звезды. “Будто земля и небо готовятся к решительной схватке, – подумал он. – Будто две армии затаились во тьме, чтобы с первыми лучами солнца ринуться в бой. И ни в лабиринтах улиц, ни в богатых домах на равнине нет ни одного человека, который хотя бы раз слышал мое имя и готов принять на веру то, о чем я намерен рассказать. И все-таки я это сделаю. Должен сделать. Ради этого я пересек моря и океаны и теперь не отступлюсь”.

Он шел вперед широкими, решительными шагами. Его высокий рост, его длинные, хотя, признаться, довольно грязные волосы, колышущиеся на ветру, словно золотистая озерная вода, привлекали к нему любопытные взгляды. Дорога вела его все выше. Вот он миновал Слоновью башню, и ему стали видны каменные ворота с барельефами, изображающими стоящих друг против друга слонов. Ворота так и назывались — Хатьяпала¹. Они были распахнуты, и оттуда доносился гул веселящейся и пьющей, насыщающей и совокупающей массы людей. У ворот стояли стражники, но в глазах их не было ничего угрожающего. Настоящие препоны ждали его впереди. Пространство непосредственно за стенами считалось местом, доступным всем: здесь назначали встречи, торговали, покупали и развлекались простолюдины. Странника то и дело обгоняли люди, они спешили, ведомые каждый своей насущной нуждой или жаждой удовольствий. Между внешними и внутренними, дворцовыми, воротами по обеим сторонам вымощенной булыжником дороги тянулись бесконечные ряды харчевен, веселых домов, постоялых дворов, прилавков со съестным и лотков со всякой всячиной. Здесь все занималось вечным как мир делом — куплей-продажей. Одежда, посуда, безделушки, оружие, ром... Здесь был “черный рынок” — рынок жуликов и воров: вздутые цены, грубая ругань и сомнительное качество товара. Однако незнакомые с планом города, утомленные долгой дорогой путники не желали тратить остатки сил, чтобы идти вдоль городской стены к воротам на противоположной стороне, где находился более приличный и дешевый рынок, и довольствовались тем, который ближе. Их потребности были просты, а нужды безотлагательны.

¹ Хатьяпала — букв. слоны-хранители (*хинди*).

Живые куры со связанными лапками, подвешенные вниз головой, заполошно трепыхались — их уже поджидали кипящие котлы; у прилавков, где готовили пищу для мясоне-вистников-вегетарианцев, было потише — овощи не вопили. А еще ветер доносил до странника звонкие женские голоса — дразнящие, призывные голоса женщин, раззадоривающих невидимых мужчин. Он чуял в воздухе запах этих женщин. В любом случае, решил путник, сегодня уже слишком поздно добиваться встречи с государем. Деньги у него имелись, а путь был долгим, потому что непрямой. Таков был его излюбленный способ действия: он всегда шел вперед, но окольными путями, петляя и обходя препятствия. Сойдя с корабля в Сурате, он через Бурханпур, Сиронж, Нарвар, Гвалиор и Дхолпур добрался до Агры и лишь оттуда двинулся сюда, к новой столице. Прямо теперь ему требовалась по возможности удобная постель, желательно не усатая женщина и пусть не-долгое, но полное забытье, какое может подарить лишь добрая выпивка.

Позже, удовлетворив свои насущные потребности в одном из веселых заведений, где было не продохнуть от запахов человеческих тел, он уснул возле всю ночь не смыкавшей глаз старательной шлюхи. Под собственный трубный храп он стал смотреть сны. Он мог смотреть сны на семи языках: на итальянском и испанском, на арабском и персидском, на английском, русском и португальском. Он подцеплял языки, как моряк — дурные болезни. Они липли к нему сами собой, словно гонорея, сифилис, чесотка, горячка, цинга или чума. Стоило ему погрузиться в сон, как тут же голоса половины мира на разных наречиях взახлеб принимались нашептывать ему небывалые истории скитаний по свету. А в этом, лишь наполовину открытом, мире каждый новый день приносил новые, чарующие впечатления и ощущения. Там, во сне, поэтическое воображение рассказчика